

ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ И МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ

УДК 930.1

СУБЪЕКТИВНОСТЬ И ОБЪЕКТИВНОСТЬ ИСТОРИКА С ПОЗИЦИЙ ФИЛОСОФСКОЙ ГЕРМЕНЕВТИКИ XX ВЕКА

И.К. Калимонов

Аннотация

Статья посвящена проблеме объективности исторического познания с позиций философской герменевтики XX века, развивающей идеи Г. Риккерта и В. Дильтея. Определение объективности исторического познания за последние двадцать лет изменилось в сторону признания значительной роли субъекта в процессе познания. Данное изменение является результатом синтеза типологизирующего и индивидуализирующего подходов, осуществленного французским философом П. Рикёром и немецким историком Р. Козеллеком. Поиск новых подходов связан с изменением представлений о сущности объективной реальности, в которой формируются мотивы поведения людей. Становится очевидным, что историческую теорию можно разработать только на основе современного исторического опыта, так как только в современной нам реальности мы в состоянии наблюдать и проверять действенность теории.

Ключевые слова: философская герменевтика XX века, объективность исторического познания, субъективность исторического познания, типологизирующий подход, индивидуализирующий подход, историческая истина.

Определение исторической истины и объективности традиционно относилось к сфере философии. Однако во второй половине XX века в западноевропейской историографии утвердилось стремление дистанцироваться от философии как основы создания исторических теорий, а также отойти от поиска теоретических основ и направить исследования в эмпирическое русло. С подачи историков, относивших себя к французскому историческому движению «Анналов», в историческом сообществе во второй половине XX в. утвердилось негативное отношение к историософии как основе создания исторических реконструкций. Так, Л. Февр считал «философствование» тяжким «преступлением» для историка-профессионала [1, р. 5].

Книга французского философа П. Рикёра «Время и рассказ» стала развернутым ответом такому подходу – с позиций феноменологической герменевтики и аналитической философии. Рикёр показал, что в любом случае любой исторический вопрос задаётся человеком, принадлежащим к обществу. Даже если он поворачивается к обществу спиной и видит функцию истории в беспристрастном

познании, он всё равно не может не принадлежать к своему времени. Данное положение основано на представлении о том, что реальность объективна для нас настолько, насколько мы её знаем. Знание социально по своей природе и передаётся с помощью языка. Язык, в свою очередь, существует как средство общения между людьми, и каждый человек вынужден говорить с другими на понятном окружающим языке. Следовательно, каждой эпохе присущи свои модели знания, которые отражают опыт социальной группы или целого общества. Постольку, поскольку выбор людей зависит от той модели социального опыта, которая свойственна определенному временному состоянию и определенным обстоятельствам, все попытки объяснить поведение людей с позиций «социальной физики» никогда не дадут полноценного результата. Нельзя объяснить изменение общества только посредством выявления социальных законов. Необходимо реконструировать субъективную реальность, которая отражает как опыт общества, так и представления отдельных людей об идеальном будущем. Этот подход позволяет ввести в систему рассуждений такой фактор, как человеческое воображение, и понять роль субъекта в историческом процессе.

Положение о том, что в рассказе о каком-либо времени значительная роль принадлежит языку, составляет суть концепции французского философа П. Рикёра. По его мнению, нельзя рассматривать как объективную реальность ни само время, ни рассказ о нём в отрыве друг от друга. Необходимо создавать представление о прошлом с учётом трёх составляющих: рассказ – время – действие. Время становится для человека осмысленным через повествование [2, р. 489]. Передача социального опыта осуществляется через язык, в языке отражается система ценностей и способ мышления, сформировавшийся в процессе исторического развития определенного человеческого сообщества, и представители этого сообщества усваивают их вместе. Язык меняется вместе с обществом. Таким образом, язык связан с самим процессом деятельности.

Рикёр соединил историю, которую рассказывают, с историей, которую делают. Люди в процессе деятельности проверяют созданные ими же модели объяснения социальных процессов на эффективность. Постольку, поскольку жизнь постоянно вносит коррективы, эти объяснительные модели меняются, поэтому возникает необходимость переосмысления накопленного опыта с позиций вновь приобретённого. Таким образом, историческое познание – никогда не завершающийся процесс, необходимый не столько для открытия неких универсальных социальных законов, сколько для удовлетворения потребности в социальном проектировании. Именно поэтому в истории исторической мысли прослеживается смена парадигм, соответствующих целям и задачам каждого конкретного общества на конкретном этапе его развития. Сейчас, в глобализующемся мире, появилась потребность в воссоздании всемирной истории как процесса, приведшего к глобализации. Рикёр показал взаимосвязь между способностью осуществлять проекты и способностью реконструировать память. «Фундаментальные проекты, которые мы создаём, опираются на истории, которые мы рассказываем» [3, р. 157]. Рикёр показал, что понимание текста маркирует главным образом отношения текста и читателя, которые выявляются через сопоставление объяснения и понимания, характерных именно для конкретной ситуации.

В конце XX – начале XXI в. можно было наблюдать кризисные ситуации как в философии, так и в науке. Многие вопросы перестали быть однозначными, а не давать прямого ответа на них стало сложно. На смену линейному мировоззрению пришло мировоззрение матричное, обусловившее возможность субъекта познания моделировать различные пути решения одной задачи и менять условия задачи (но так же, как и ранее, лишь в рамках опыта субъекта). «Технологический», или, как его чаще называют, «прагматический» подход не предполагает поиска единственно возможного верного решения. В данном случае главным критерием истинности знания становится положение о том, что информация о средстве должна соответствовать поставленной цели, которая, в свою очередь, согласуется с некоторыми ценностями. Такой подход коренится в потребности поддерживать межчеловеческое общение. Критерием истины в данном случае становится сама жизнь. Другими словами, теоретических моделей может быть создано много, но только историческая практика покажет, какая из моделей позволяет добиться лучших результатов с учётом баланса технологического развития и требований этики. Этика в данном случае превращается в одно из главных условий сбалансированного развития, так как соблюдение правил социального взаимодействия – одно из главных условий благополучного разрешения социальных конфликтов.

С давних пор в исторической науке преобладала парадигма однолинейного прогресса, которая отражала христианские представления о времени. Как писал немецкий историк Р. Козеллек, «осознание времени и будущего, которое рождалось из смелой комбинации человеческой воли и пророчества (смесь рационального прогнозирования будущего и ожидания чуда, характерная для XVIII века) перешла в философию прогресса» [4, S. 33]. Это, в свою очередь, дало толчок развитию науки. Если говорить условно, состояние науки до начала XX в. напоминает «пророчество», где исход определён изначально, а наука XX в. – прогноз, в котором учитывается роль человека. Но представление об однолинейном развитии человечества начало размываться ещё в XVIII в., что было связано как с колониальной европейской экспансией, так и с социальными катаклизмами в самой Европе. Р. Козеллек отмечал, что такое событие, как Великая французская революция, перечеркнуло представления о линейном развитии человечества. «С момента упадка религиозной точки зрения на мир современным человеком руководит философия истории, приобретая в своей прогрессистской и марксистской формулировке настолько сильную политическую актуальность, что она в наши дни стала первостепенной» [5]. Таким образом, можно говорить о формировании философии непрерывного и усложняющегося развития, финал которого непредсказуем. Понятие «прогресс» в данном случае означает не движение от худшего к лучшему, а постоянное усложнение социальных систем. Можно лишь наметить горизонт, который находится в постоянном движении. Направление движения выбирает сам человек, исходя из структуры, которая ограничивает действия и возможности применения воображения человека. Структура динамично развивается и очень эластична, что обусловлено множеством различных комбинаций, которые создаются человеком.

История переживает изменения, которые коснулись и её эпистемологических оснований, и даже её положения в системе наук. Как отмечается в большинстве

современных работ по проблемам развития исторической мысли Запада, во второй половине XX – начале XXI в. произошла полная переоценка сути исторического познания, которая была названа «историографической революцией». Обычно выделяют три её этапа: объективистский (сциентистский), субъективистский (постмодернистский) и синтезирующий [6–8].

Синтезирующий этап получил также название «прагматического поворота». Он связан с концепцией исторического времени П. Рикёра и Р. Козеллека, привлечённой к вниманию западноевропейского научного сообщества к проблеме преодоления кризиса исторической науки, устранения разрыва между макро- и микроподходом к объекту её изучения. Путь преодоления кризиса связан с синтезом методов типологизирующего и индивидуализирующего подходов [9].

Можно констатировать, что современный синтез научных достижений осуществляется в условиях, когда в научном познании все более значительной становится роль крупных комплексных программ и проблемно ориентированных междисциплинарных исследований. Эта тенденция характерна для науки конца XX в., когда объектом исследования стали многоуровневые комплексы, изучение которых предполагает совместную работу специалистов различного профиля [10, 11]. «Поиск новых подходов связан с изменением представлений о сущности объективной реальности, в которой формируются мотивы поведения людей» [12, с. 159].

В связи с этим центральной для всех дисциплин, изучающих общество, становится проблема времени. Историческое развитие социума оказалось в настоящее время в ситуации, которую учёные называют «сокращением времени». Футурологические и даже утопические проекты реализуются в более короткие промежутки времени, чем предполагается прогнозами и моделями развития. Возникает необходимость в координации всех существующих исследовательских подходов с целью сохранения единой картины динамического восприятия исторического прошлого. Р. Козеллек ищет срединный путь между эпистемологией и онтологией с учётом того, что современная научная теория, наряду с аксиоматическим базисом и логикой, использует и интуицию, на что методология реагирует признанием роли интуитивного суждения. Это выводит исследователей на новый уровень понимания междисциплинарного подхода в исследовании социальных явлений. Сегодня выделяется несколько сущностных черт, характеризующих методологические новации, позволяющие решать возникающие проблемы: «1) усиление роли междисциплинарного комплекса программ в изучении объектов; 2) укрепление парадигмы целостности и интегративности, осознание необходимости глобального всестороннего взгляда на мир; 3) широкое внедрение идей и методов синергетики, стихийно-спонтанного структурогенеза; 4) выдвижение на передовые позиции нового понятийного и категориального аппарата, отображающего постнеклассическую стадию эволюции научной картины мира, его нестабильность, неопределённость и хаосомность; 5) внедрение в научное исследование темпорального фактора и многоальтернативной, ветвящейся графики прогностики; 6) изменение содержания категорий “объективности” и “субъективности”, сближение методов естественных и социальных наук; 7) усиление значения нетрадиционных средств и методов исследования, граничащих со сферой внерационального постижения действительности» [13, с. 24–25].

Согласно концепции Р. Козеллека, проникнуть в суть истории можно только с помощью осознания «исторической темпоральности» [14]. По утверждению французского философа М. Мерло-Понти, только после того, как мы осуществим синтез времени, оно превращается не в объект нашего знания, а в измерение нашего бытия [15]. Главным действующим лицом истории становится время. Категории события, структуры, процесса, опыта больше не являются простыми историческими категориями [16, 17], они становятся антропологическими параметрами времени.

«Каждая история, которую мы анализируем, – это действительно прошедшее, логично сложившееся событие... Однако прошедшее событие логически неизбежно забегает вперед» [18, S. 19], в будущее, иначе каждая история бессмысленна в своём собственном свершении, если она не имеет взаимосвязи с настоящим и будущим. Итак, «настоящее истории проявляется в своей истине только в том случае, если история уже миновала». Иначе говоря, истина истории – это всегда свершившаяся истина. В антропологическом смысле речь идёт о перенесении первоначального опыта всех участников во вторичный – науку, которая должна анализировать сначала первоначальный опыт и его источники, чтобы затем вывести из этого третий объект (опыт). Речь идёт о проекции, делающей узнаваемыми комплексные структуры прошедшей истории. Кроме того, такой метод ориентирован на поиск смысла впереди (в будущем), который ищут, например – и совершенно напрасно – «в причинности, которая должна объяснять, почему история пошла таким образом, а не иначе» [18, S. 19].

Если придерживаться естественнонаучной причинно-следственной модели, случайность действительно предстаёт как сущность всей истории. Это предопределено тем, что субъект исторического действия наделён воображением и способен осуществлять целеполагание и делать выбор из имеющихся альтернатив. Однако помимо формальной логики можно использовать ситуационную, которая предполагает объяснение исходя из ситуации и намерений людей. Ситуацию создают общие социальные, экономические, природно-географические условия, которые историки называют объективными факторами исторического развития. На ситуацию влияет опыт, приобретённый субъектом или сообществом в процессе материальной и духовной деятельности, который можно определить через понятие «культура». Поэтому, как сказал Р. Арон, исторический факт, по сути, несводим к порядку: случай – основа истории. Во временном аспекте категория случая полностью принадлежит настоящему. Её нельзя ни вывести из горизонта ожиданий – разве что как внезапное его нарушение – ни постигнуть как следствие прошлых причин: тогда это уже не была бы случайность.

Р. Козеллек, рассматривая антропологические параметры проблемы времени, отметил, насколько мобильность современного человека порождает необходимость самоопределения: «найти себя в череде поколений». Он восклицает: «Кто задаёт вопрос о связи истории и времени, не думает о таком роде естественной гипотезы нашей периодизации времени, в которой уже должно существовать что-то вроде “исторического времени”». Кто стремится доискаться созерцания исторического времени в повседневности, тот может обратить внимание и на морщины пожилого человека или на шрамы, в которых запечатлены в настоящем

результаты прошедших событий... У всего есть определённые, собственные временные ритмы и способы исполнения, присущие только им» [4, S. 6–9].

Р. Козеллек рассматривал историю как систему, в которой важна роль каузальных связей как по вертикали, так и по горизонтали, как по восходящей, так и по нисходящей, как в пространственной, так и во временной плоскостях. Эта система зависит от изменения положения различных компонентов в различных плоскостях, и особое место в ней занимает время. Можно говорить о взаимной зависимости не только настоящего от прошлого, будущего от настоящего, но также и о зависимости настоящего от будущего, прошлого от настоящего, будущего от прошлого, прошлого от будущего. Для истории недостаточно того, чтобы факты располагались в хронологическом порядке. Во-первых, очевидно влияние одних фактов на другие; во-вторых, при наличии определённого круга степеней свободы, согласно теории И. Пригожина, «система может приспосабливаться к своему окружению несколькими различными способами» [19, с. 19]. Лишь случай решает, какая из многих возможностей будет реализована во временном пространстве. «Такая взаимозависимость времён в истории происходит в связи с их антропологическими характеристиками» [20].

Системный подход, применяемый в данном случае, невозможен без наличия чёткой теоретической и мировоззренческой позиции. Последняя обусловлена философскими воззрениями историка даже в том случае, когда он не использует конкретное философское учение как основу своего исследования. Во-первых, не может быть субъекта без мировоззрения; во-вторых, историческое познание не самостоятельно в теоретическом отношении и пользуется теориями, которые применяются для объяснения изменений общества на современном исследовательском этапе исторического развития и которые могут быть проверены современной практикой и использованы для организации работы с историческим материалом. Так решается проблема объективности исторического исследования: главным критерием истины является практика. Субъект исторического познания, претендующий на объективность, должен подчиняться требованиям теории, которую он считает наиболее логично объясняющей современные социальные процессы. Таким образом, историческое познание – никогда не прекращающийся процесс, зависящий от накопленного социального опыта, изменения средств познания и точки зрения самого исследователя.

В работе П. Рикёра «Время и рассказ» [21] предлагается взглянуть на проблему исторического описания и вопрос об объективности истории с позиций философской герменевтики. Рикёр противопоставил чисто синхронической логике неподвижного времени единственность любого рассказа с его диахронической логикой. Он показал, в чём заключается преимущество повествовательных структур, создающее условия для изучения общества в режиме историчности, однако подчеркнул, что важно не смешивать в онтологическом плане речь исторического порядка и речь рассказа, основанного на вымысле. В данном случае субъективность – необходимое условие достижения исторической объективности, которое невозможно без соотнесения с субъективностью историка. Понимание в этом случае зависит не от субъекта, который произвольно толкует происходившее, но от включения в процесс формирования самого знания субъекта.

Историк – такой же человек, как и те, кого он изучает. Историк не может не быть субъективным. Потому он никогда не приблизится к той степени объективности знания, которая присуща математике или физике. Но субъективность субъективности рознь. Проверить историка можно эпистемологически. П. Рикёр писал в связи с этой проблемой: «Объективность должна браться здесь в строго эпистемологическом смысле: объективно то, что разработано, приведено в порядок и методически осмыслено мышлением, то, что, в конечном счёте, оно делает понятным. Это истинно для физических и биологических наук, это истинно также и для истории. Следовательно, мы ждём от истории, что она найдёт доступ к прошлому человеческих обществ, обладающему таким достоинством объективности. Это не означает, что её объективность та же, что у физики или биологии: существует столько уровней объективности, сколько существует методических подходов. Стало быть, мы ожидаем, что история прибавит новую область к меняющейся своей границе империи объективности» [22, с. 35–36]. Проверка историка на «хорошую» субъективность устанавливает соответствие применяемых им приёмов и методов требованиям научной программы, в рамках которой он осуществляет исследование.

Труд историка основан на двух принципах. Первый принцип – «возвратное вопрошание». Историк не может поставить эксперимент с прошлым человечества. Он вынужден изучать следы прошлого. По этой причине история – дисциплина умозрительная. Поэтому в исторической дисциплине на первом месте стоит теория, а на втором месте – конкретные исследования. Связано это со спецификой исторического знания: историческую теорию можно разработать только на основе современного исторического опыта, здесь мы в состоянии наблюдать и проверять действенность теории. Данная теория приспособляется затем для изучения прошлого в зависимости от того, какие следы оставила изучаемая историком эпоха, и от того, что становится предметом изучения. Второй принцип – «единичное причинноменение». Этот принцип основан на утверждении о том, что история как наука имеет смысл только в том случае, если позволяет создавать цельное, связанное представление о прошлом: только так она может выполнить дидактическую и социальную функции, рационализируя историческую память.

Создать цельный рассказ можно только при наличии единого сюжета: в этом история и литература близки. В зависимости от выбора сюжета (жанра) историк будет излагать историю определённым образом, отражая при этом интересы определённой социальной группы. Принимая этот факт в расчёт, можно чётко определить направленность исторического сочинения, его обусловленность историческим контекстом, всем тем, что позволяет говорить о вариативности исторического познания в определённых границах, называемых в историографии историографическими школами. Следовательно, ни один историк не может не учитывать мироощущение своего времени. Подсознательно или осознанно он ориентируется на достижения своего времени как в сфере теоретического, так и в сфере практического опыта, не забывая при этом об опасности модернизации прошлого. Избежать этой опасности помогает только жёсткое соблюдение правил, предписанных теоретической моделью исследования. Таким образом, не искажает исторических фактов тот историк, который соблюдает правила научного

познания и оперирует методами исследования, соответствующими современному уровню развития философии, а также родственных исторической науке гуманитарных и социальных дисциплин.

Summary

I.K. Kalimonov. Subjectivity and Objectivity of a Historian from the Standpoint of Philosophical Hermeneutics of the 20th Century.

The article studies the problem of objectivity of historical cognition in terms of 20th century philosophical hermeneutics, which develops the ideas of H. Rickert and W. Dilthey. The definition of the objectivity of historical cognition has changed within the last twenty years towards the acknowledgment of a significant role of a subject in a cognitive process. This change is a result of the individualizing and typologizing approaches synthesis applied by the French philosopher P. Ricoeur and the German historian R. Koselleck. The search for new approaches is connected with the change in the ideas about the essence of the objective reality within which the motives of human behavior are being shaped. It is obvious that a historical theory can be developed when it is based on the contemporary historical experience since we are able to observe and examine the efficiency of this theory only within the contemporary reality.

Key words: philosophical hermeneutics of the 20th century, objectivity of historical cognition, subjectivity of historical cognition, typologizing approach, individualizing approach, historical truth.

Литература

1. *Febvre L.* Combats pour l'histoire. – Paris: Librairie Armand Colin, 1992. – 456 p.
2. *Ricoeur P.* Temps et Récit. Tome III. Le temps raconté. – Paris: Le Seuil, 1985. – 535 p.
3. *Ricoeur P.* L'Histoire comme récit et comme pratique, entretien avec Peter Kemp // *Esprit*. – 1981. – № 54. – P. 155–165.
4. *Koselleck R.* Vergangene Zukunft. Zur Semantik geschichtlicher Zeiten. – Frankfurt/M.: Suhrkamp Verlag, 1989. – 378 S.
5. *Weinfurter S.* Grußwort zum Festakt aus Anlass des 50. Jahrestages der Promotion von Reinhart Koselleck am 23. November 2004 // *Reinhard Koselleck (1923–2006). Reden zum 50. Jahrestag seiner Promotion in Heidelberg*. – Heidelberg: Universitätsverlag Winter, 2006. – S. 13–17.
6. *Могильницкий Б.Г.* История исторической мысли XX века. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2001. – Вып. 1: Кризис историзма. – 206 с.
7. *Могильницкий Б.Г.* История исторической мысли XX века. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2003. – Вып. 2: Становление «новой исторической науки». – 178 с.
8. *Могильницкий Б.Г.* История исторической мысли XX века. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 2008. – Вып. 3: Историографическая революция. – 554 с.
9. *Koselleck R.* Zeitschichten. Studien zur Historik. – Frankfurt/M.: Suhrkamp Verlag, 2003. – 399 S.
10. *Koselleck R.* Begriffsgeschichten. Studien zur Semantik und Pragmatik der politischen und sozialen Sprache. – Frankfurt/M.: Suhrkamp Verlag, 2006. – 569 S.
11. *Степин В.С.* Теоретическое знание. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 567 с.
12. *Лекторский В.А.* Эпистемология классическая и неклассическая. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 256 с.
13. *Лешкевич Т.Г.* Философия науки: традиции и новации. – М.: Приор, 2001. – 428 с.

14. *Копосов Н.Е.* Основные исторические понятия и термины базового уровня: к семантике социальных категорий. – URL: <http://www.jourssa.ru/1998/4/koposov/html>, свободный.
15. *Мерло-Понти М.* Временность. – URL: <http://philosophy.allru.net/perv235.html>, свободный.
16. *Koselleck R.* Darstellung, Ereignis und Struktur // G. Schulz (Hg). Geschichte Heute. Positionen, Tendenzen und Probleme. – Göttingen, 1973. – S. 307–317.
17. *Кокка Ю.* Социальная история между структурной и эмпирической историей // THESIS. – 1993. – Вып. 2. – С. 174–189.
18. *Koselleck R.* Vom Sinn und Unsinn der Geschichte. Aufsätze und Vorträge aus vier Jahrzehnten. – Berlin: Suhrkamp Verlag, 2010. – 388 S.
19. *Николис Г., Пригожин И.* Познание сложного. Введение. – М.: Мир, 1990. – 344 с.
20. *Закиров А.В.* Р. Козеллек: Структурная и эмпирическая история // Научно-философский анализ повседневности: проблемы и перспективы развития в XXI веке. Материалы Всерос. науч.-практ. заочн. Интернет-конф. – URL: www.vspu.ac.ru/files/povsednevnost/3.doc, свободный.
21. *Рикёр П.* Время и рассказ. Интрига и исторический рассказ. – М.; СПб.: Унив. кн., 1998. – Т. 1. – 313 с.
22. *Рикёр П.* История и истина. – СПб.: Алетейя, 2002. – 400 с.

Поступила в редакцию
25.01.12

Калимонов Ильдар Кимович – кандидат исторических наук, доцент кафедры новой и новейшей истории Казанского (Приволжского) федерального университета.
E-mail: nvg2009@ya.ru